

В. ПЕЛЕВИН КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И.Л. Анастасьева (Москва, Россия)

В статье исследуется связь творчества В. Пелевина с модернистской литературой на уровне темы, эстетических приемов и особенностей мифологического мировосприятия.

Ключевые слова: А.Блок, Р. Штейнер, «Хрустальный мир»

V. PELEVIN AS A MIRROR OF THE RUSSIAN REVOLUTION

I. Anastasyeva (Moscow, Russia)

The article deals with the connection between V. Pelevin's novel "The crystal world" and modernist literature on the level of the theme, poetic techniques and features of the mythological worldview.

Keywords: A. Blok, R. Steiner, "The crystal world"

Имя Виктора Пелевина хорошо знакомо современному российскому читателю, он, как известно, является одним из наиболее востребованных писателей, отзывающихся на острые вопросы злободневности. В его творчестве можно выделить разные аспекты изображения современной отечественной действительности, отражающие личностное, индивидуальное авторское восприятие социальных несообразностей. Если критический подход к событиям предполагает, в первую очередь, отрицание довлеющих над личностью общественных норм, вскрытие социальных язв, вынесение писательского приговора, то Пелевин в своих произведениях далек от попыток создания лирико-сатирической прозы в духе Н.В. Гоголя, ему чужд гоголевский морализаторский подход к анализу современных ему проблем, хотя в целом обличительная тенденция его произведений свидетельствует о родственной связи с предшественниками: как с фантастическим реализмом Гоголя, так и с мистическим реализмом М.Булгакова. Его творчество – это попытка в символично-метафорической, аллегорической форме дать анализ низменных запросов, которые были свойственны обществу на различных этапах становления российской государственности.

В центре нашего исследования находится ранний рассказ писателя «Хрустальный мир», впервые опубликованный в журнале «Знание – сила» в марте 1991 года. Едва ли следует искать в нем живых людей или исторические параллели, невзирая на то, что в основе сюжета лежит реальное событие: рассказ о том, как финский большевик Эйно Рахья провел Ленина в Смольный накануне восстания 25 октября 1917 года. Между тем центральная идея произведения – корреляционная зависимость трансцендентного и физического миров, метамифологического сознания и примитивной рефлексивной реакции на будничность.

Основную внутреннюю тональность рассказу задает эпиграф из стихотворения А. Блока, созданного в 1904 году, «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...», сразу же перенося повествование из мира эмпирического в фокус трансцендентной и одновременно металитературной реальности (строчки этого стихотворения будут звучать далее в тексте, сублимируя в себе содержание пелевинского текста).

Лето 1904 года – переломный период в мироощущении Блока, связанный с переоценкой философской концепции В.С. Соловьева, под сильным влиянием которого поэт находился долгое время. Разгром восстания пятого года также потряс поэта, усугубив в его мировосприятии ощущение безвременья, тоски, безграничного зла. Пожалуй, более точно настроения Блока данного периода иллюстрируют черновые варианты стихотворения, которые, в совокупности с каноническими строчками, своей мрачной тональностью созвучны основным переживаниям пелевинских произведений:

*Нас много шатунов и сумрачных гуляк
Иной, – влюблен в луну, – обманом лунным крепнет,
Тот – в рваном картузе – покинул сон клоак
И, к солнцу устремясь, в огне и зное слепнет.
Идем, шатаясь, вдаль. Лежит пластами пыль,
И все погребено в безлюдьи окаянном.
Заборы, как гроба. В канавах: смрад и гниль.
Все пусто вдалеке под солнцем оловянным.
Стучим. В домах – тоска. Покойники – в гробах.*

*Мы робко шепчем в дверь: Не умер – спит ваш близкий!
 Но старая – в чепце, – наморщив лоб свой низкий,
 Кричит: Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!
 И дальше – мы бредем. – И видим в щели зданий
 Старинную игру вечерних содроганий...
 [Блок 1997: 401]*

Темы снежной пыли, маски, вьюги постепенно приобретают в творчестве Блока устойчивый инфернальный характер, ибо шатуны – избранники вьюги, как подчеркнет поэт в «Безвременьи», «ее ласки понятны шатунам, распятым у заборов». Если образ шатунов позже исчезнет из канонического текста стихотворения, то тема восставших из гробов по-прежнему актуализируется в нем. Идея воскрешения мертвых – краеугольный камень в дискуссиях символистов конца XIX века, своеобразно поместившийся в софиологии В. Соловьева и Третьем Завете Д. Мережковского. Блок дружил с Сергеем Соловьевым, племянником Владимира Соловьева, не раз посещал литературный кружок Мережковских, так что с идеями этих философов о будущем человечестве, или Богочеловечестве (В. Соловьев), был знаком не понаслышке. Библейский сюжет о воскрешении встречается у всех евангелистов, Марк, как нам кажется, повествует о воскрешении дочери Иаира наиболее поэтически: «Приходит <Христос> в дом начальника синагоги и видит смятение и плачущих и вопиющих громко. И, войдя, говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит. И смеялись над Ним. Но Он, выслав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где девица лежала. И, взяв девицу за руку, говорит ей: «талифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань. И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати. Видевшие пришли в великое изумление» (Мк. 5: 22–42) [Тематическая Библия, 1997: 952–953].

Хотя основные идеи софиологии Соловьева не являются предметом исследования В. Пелевина, рассказ «Хрустальный мир» синтезирует в себе основные дискуссии поэтов-мистиков серебряного века. Два юнкера, Юрий и Николай, должны не позволить пройти к Смольному дворцу людям в штатском, иначе говоря, они преграждают дорогу Ленину, «тупой русской лошади давно уже предсказанного Дмитрием Сергеевичем Мережковским (имеется в виду сборник статей Мережковского «Грядущий хам» – И.А.) великого хамства» [Пелевин, 2004: 475, все последующие отсылки к тексту будут даны по этому изданию с указанием в скобках страниц]. Невзирая на то, что книга Мережковского была написана в 1906 году и русской интеллигенции был очевиден антирелигиозный (в мистическом понимании) характер нарастающего бунта, она погрязла в спорах о трансцендентных мирах и метафизической реальности. Мережковский пророчествовал пришествие и воцарение «грядущего на царство мещанина» (именно в таком облике изображен в рассказе «картавый» вождь мирового пролетариата – то в виде «специализирующегося по многотысячным рысакам конокрада», то женщины с ридикюлем и «довольно крупными кулаками» – уж не укол ли в адрес Керенского, то инвалида, «обильно покрытого бинтами и медалями», то, наконец, в виде «картаво загрохотавших бутылок» в повозке пролетария, везущего лимонад фирмы «Карл Либкнехт и сыновья» солдатам, охраняющим Смольный). Однако литературная интеллигенция, вместо того чтобы решать «мучительные и неразрешимые вопросы», была занята идейно-эстетическими искажениями, ожидая революции в духе и не замечая приближение социального взрыва. Диалектика их представлений о жизни физической и сверхфизической провозглашала существование предела для любого состояния и наличие запредельности, о которой каждый мечтал в силу своего воображения. В их представлении, отчасти сформированном под влиянием антропософского учения Рудольфа Штейнера (под сильнейшим впечатлением от лекций этого австрийского философа находился Андрей Белый – и Юрий, один из героев рассказа Пелевина), земная действительность есть лишь обман, но существует реальнейшая из реальностей, тот грядущий «невидимый мир», мир небесный, торжество и установление которого возможно ускорить, если распознать свою миссию в мире земном. Подобно Андрею Белому, Юрий ездил в Швейцарию, чтобы посещать лекции Штейнера, именно там «немец» раскрыл герою тайну его предназначения: он (Юрий) «отмечен каким-то особым знаком и должен сыграть огромную роль в истории. <...> чем бы <он> ни занимался, в духовном смысле <он> стоит на некоем посту и защищает мир от древнего демона, с которым уже когда-то сражался» (курсив мой – И.А.) [499]. Речь, безусловно, идет о возрождении религиозной идеи в русской жизни и искусстве, от которой вначале отказались русские декаденты, поставив во главу угла эстетические проблемы в ущерб этическим. Юрию, вероятно, подобно Архангелу Михаилу и Ангелам, уже приходилось сражаться с «красным драконом с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим», «Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет» [Откр. 12:3, 20:2]. Впрочем, имя героя является одним из вариантов имени Георгия (см. Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских именах. – 5-е изд., перераб. – СПб.: Авалонъ, 2008). Таким образом, в контексте рассказа профанно воссоздается история Георгия Победоносца, убившего змея (или дракона), спасшего царевну и город и обратившего в христианство его жителей. И хотя австрийский философ (в тексте он назван немцем) вещал Юрию в Швейцарии что-то про Апокалипсис и про борьбу с демоном и они с Николаем должны в этом мрачном, холодном городе с мертвыми улицами без единого живого человека, – лишь пошленькие мелодии исполняются на граммофоне, совсем как в булгаковской «Зойкиной квартире», – охранять проходы к Смольному, напоминающие «ту самую

темную расщелину, за которой, если верить древнему поэту (Данте, затем Блоку – И.А.), расположен вход в ад» [484], ни он сам, ни его товарищ не могут уразуметь, какая именно миссия им отведена. Подобно писателям-декадентам, натурам ранимым, наделенными неустойчивой психикой, поэкспериментировавшим со всеми видами «зла» (наркотики, алкоголь, половые извращения), герои нюхают кокаин, уносящий их во времена детства и юности, и улицы перестают казаться столь темными и мрачными, и «тысячи мелких и крупных вопросов, совсем недавно бывших мучительными и неразрешимыми, вдруг оказались не то что решенными, но совершенно несущественными» [501].

Имя Николая появилось в рассказе также не случайно – за образом героя, безусловно, стоит личность великого Святителя с безупречным нравственным обликом, Николая Чудотворца, однако образы обоих святых (Георгия и Николая) даны травестийно – как пародия на оскудевшую духовно культуру начала XX века. Николай не ведает, что и он – не только Юрий – избранный человек, и на нем лежит ответственность за судьбу России: его сновидческие прозрения даются в рассказе в традиции символистской эстетики. Здесь вновь следует сказать два слова о мистических теориях переломной эпохи: плодотворными для мыслителей рубежа веков были идеи о символической диаде Дионис – Аполлон, артикулированные Ницше в книге 1870–1871 гг. «Рождение трагедии из духа музыки». Здесь он видит два основных начала, формирующих эллинский дух, – аполлонизм и дионисизм. Аполлинизм, религия Аполлона – стихия сновидения, которую нужно резко противопоставлять стихии экстаза и опьянения (дионисизма), где нет никаких видений. Художественно одаренный человек должен зорко всматриваться в сны, чтобы толковать по ним жизнь. Пелевинский юнкер, Николай, все время погружается в короткую дрему, успевая заснуть и пробудиться, видя бессмысленные хаотические сны, незнакомые лица, заснеженные вершины, монастырь – символ православной Руси, которую они вместе с Юрием, как два воина, должны были защитить. Но он не успевал догадываться о том, что знаменуют собой эти видения. И, наконец, в состоянии пророческого экстатического состояния он прозрел: «Перед Николаем, накладываясь на Шпалерную, замелькали дороги его детства: гимназия и цветущие яблони за ее окном; радуга над городом; черный лед катка <...> все это он когда-то видел на самом деле. Но потом стали появляться картины чего-то очень знакомого и одновременно никогда не виданного – померещился огромный белый город, увенчанный тысячами золотых церковных головок, – город, как бы висящий в воздухе внутри огромного хрустального шара, и этот город – Николай знал это совершенно точно – был Россией, а они с Юрием, который во сне был не совсем Юрием, находились за его границей и сквозь клубы тумана мчались на конях навстречу какому-то чудовищу, в котором самым страшным была полная неясность его очертаний и размеров; это был бесформенный куб пустоты, источающий ледяной холод» [502–503].

Таким образом, литературная реконструкция исторического прошлого представлена в рассказе В. Пелевина в традициях символистской эстетики, с тем чтобы читатель, погружаясь в этот парадоксальный текст, попытался осмыслить абсурдность и сложность мира рубежа XIX–XX веков.

Список литературы

- [1] Александр Александрович Блок. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т II. Стихотворения. Книга вторая (1904–1908). – М.: Наука, 1997. – 895 с.
- [2] Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. Т.5. – М., – Л.: Гослитиздат, 1960–1963.
- [3] Тематическая Библия с комментариями (The NIV Topical Study Bible). – Минск: «Библейская Лига» в республике Беларусь, 1997. – 1294 с.
- [4] Пелевин В. Хрустальный мир. // Русские цветы зла: сб. / сост. В. Ерофеев. – М.: АСТ, Зебра Е, 2004. – 541 с.
- [5] Штейнер Р. Мистерии древности и христианство. – М.: Духовное знание. СП Интербук, 1990. – 254 с.